

Е.Г. НИМ

«МЕДИАСОБЫТИЯ»: ТЕОРИЯ, КОНЦА КОТОРОЙ НЕТ?»¹

Аннотация. В статье раскрываются ключевые положения и перспективы развития теории медиасобытий, заложенной в работе Дэниэла Дайяна и Элиху Каца «Медиасобытия: прямая трансляция истории» (1992). Предложенный ими ритуальный подход к пониманию медиасобытий как интегрирующих общество масштабных телеперформансов получил множество альтернативных прочтений. Критика церемониальной модели медиасобытий осуществляется преимущественно в трех направлениях: (1) ограничения неодюркгеймианской парадигмы, в рамках которой акцентируется консенсуальный характер медиасобытий; (2) узость изначального определения жанра медиасобытий и трех его сценариев («завоевания», «состязания», «коронации»); (3) рассмотрение медиасобытий исключительно как телевизионных феноменов, не принимающее во внимание другие типы медиа и их взаимодействие. Показано, что одним из расширений теории Дайяна и Каца может стать развитие концепта трансформативных медиасобытий, понимаемых как медиатизированные социальные драмы, фреймирующие обновление социального порядка или его базовых институтов. При этом отмечаются методологические сложности, связанные с выделением критериев трансформативных медиасобытий. В частности, остаются открытыми вопросы, считать ли таковыми события, которые не повлекли радикальных социальных изменений (например, не имевшие успеха протесты); необходимо ли учитывать «вектор» события (прогрессивный или регрессивный); на каких уровнях и в каких сегментах социальной жизни возможны феномены, которые можно квалифицировать как трансформативные медиасобытия. Подчеркивается, что эти концептуальные трудности связаны с более фундаментальной проблемой различения медиасобытий и не-медиасобытий в цифровую эпоху. В заключение высказываются предположения о том, почему в дискуссии о «конце медиасобытий» еще рано ставить точку.

Ключевые слова: медиа; медиасобытия; ритуалы; трансформации; медиатизация общества.

Для цитирования: Ним Е.Г. «Медиасобытия»: теория, конца которой нет? // Социологический журнал. 2019. Том 25. № 4. С. 28–37. DOI: 10.19181/socjour.2019.25.4.6815

Ним Евгения Генриевна — кандидат социологических наук, доцент; факультет коммуникации, медиа и дизайна / Департамент медиа, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Адрес: 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20. **Телефон:** +7 (964) 535-92-65.
Электронная почта: nimeg@mail.ru

¹ В данной работе использованы результаты проекта «Медиа и социокультурные изменения: критический анализ трансформативных эффектов медиатизации» (ТЗ-45), выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2018 году.

В социальной науке существует большой корпус исследований, посвященных изучению репрезентации тех или иных событий в СМИ и социальных медиа. Как правило, объектами изучения становятся крупные международные или общенациональные события, попавшие в топы новостей. Это могут быть события разного типа — политические, экономические, культурные, спортивные, технологические, экологические и т. д. В данной статье мы попытаемся понять, какие из них могут (или все еще могут) описываться понятием «медиасобытия».

В то время как мировая медианаука обсуждает возможный конец медиасобытий в цифровую эпоху [23], в российской академической среде этот концепт до сих пор не вполне освоен. Хотя понятие медиасобытия популярно среди отечественных исследователей, обычно оно недостаточно четко дефинировано или используется вне связи с ключевой работой Дэниэла Дайяна и Элиху Каца «Медиасобытия: прямая трансляция истории» [8]. Между тем спустя четверть века после выхода этой знаковой книги концепт медиасобытий не только прочно укоренился в теории медиа и культурных исследованиях, но и получил существенное развитие во множестве критических прочтений. Что есть медиасобытие? Каковы границы, формы и социальные эффекты медиасобытий? Актуально ли еще понятие медиасобытия в эпоху «глубокой медиатизации»? Эти вопросы определяют смысловые контуры данной статьи.

Медиасобытия: первоначальная модель

В самом общем виде под медиасобытием сегодня понимают запланированное или спонтанное событие, конструируемое медиа как социально значимое и получившее широкий резонанс. Однако Дайян и Кац, впервые предложившие серьезную теоретизацию медиасобытий, подразумевали под ними нечто особенное: медиатизированные ритуалы, обрамляющие общенациональные торжества.

В их ставшем классикой труде медиасобытия определялись как телевидируемые (televised) публичные церемонии, имеющие исторический характер и организуемые по трем базовым сценариям: «завоевания», «состязания» и «коронации» [8, р. 25–53]. *Завоевания* отражают великие достижения человечества, примером которых могут быть успешные мирные переговоры или первые пилотируемые космические миссии. *Состязания* отсылают к знаменательным событиям в сфере спорта и политики, таким как Олимпийские игры или президентские дебаты. *Коронации* чаще представляют собой «парады», например, это инаугурация главы государства, свадьба или похороны членов королевской семьи. При этом каждый сценарий имеет свою особую формулу: завоевания разыгрывают драму «состоится ли герой?», состязания — «кто победит?», коронации — «будет ли ритуал успешным?». Эти три сценария медиасобытий последовательно соответствуют трем веберовским типам власти — харизматической, рациональной и традиционной [27]. Они также имеют разные месседжи и временные векторы. Действия героя-харизматика, отвергающего любые социальные и природные ограничения, направлены в будущее; участники состязаний соревнуются в настоящем, строго следуя установленным конвенциям; ритуал коронации обращен в прошлое и утверждает правила, основанные на традиции. Несмотря на различие сценариев, большинство ритуальных медиасобытий усиливают социальную солидарность, объединяя членов общества и легитимируя существующие властные отношения.

Согласно Дайяну и Кацу, медиасобытия имеют ряд признаков, отличающих их от всех других событий, освещаемых массмедиа. В частности, эти характеристики включают: прямую трансляцию; прерывание повседневной жизни и рутинного телевидения; спланированность и сценарность; большую аудиторию; ожидание обязательного для всех просмотра; торжественный характер повествования; интегративный эффект и примиряющий характер [12]. В отличие от крупных новост-

ных событий (*great news events*), в основном сфокусированных на разрушительных явлениях, большие церемониальные события (*great ceremonial events*) празднуют социальный порядок или его восстановление. При этом медиасобытия не являются простой репрезентацией значимых общественных событий, которые произошли бы и без включения телекамер. Помимо того, что именно прямая трансляция и придает подобным церемониям высокую значимость, присутствие телевидения способно повлиять на то, как будут протекать эти события и какими будут их социальные эффекты. В то же время медиасобытия в понимании Дайяна и Каца не тождественны «псевдо-событиям», описанным Дэниелом Бурстином в его книге «Имидж» [4]: последние, в частности, пресс-релизы и пресс-конференции, создаются исключительно с целью их медийного освещения.

Хотя церемониальные медиасобытия инициирует истеблишмент, их успех зависит от всех вовлеченных в это действие акторов — организаторов, вещателей и аудитории. СМИ в западных обществах свободны от прямого влияния правительственных структур и руководствуются собственными корпоративными стандартами и интересами, которым медиасобытие должно соответствовать. Вещатели могут критически подходить к выбору медиасобытий и формам их репрезентации, вплоть до отказа от освещения. Зрители также имеют «право вето», они способны применить альтернативные прочтения медиасобытия или игнорировать его. Таким образом, гегемонистский характер транслируемой церемонии должен быть санкционирован самой общественностью, что ограничивает политическую элиту в возможности манипулировать аудиторией.

В основе драматургии медиасобытий лежит структура ритуала перехода, включающая три фазы: отделение, лиминальность и реинтеграцию [25; 26]. Не только главные герои церемоний, но и все общество благодаря прямым трансляциям прерывает рутину своего существования и погружается в пространство лиминальности, откуда возвращается обновленным. Медиасобытия — это события, вследствие которых история меняет ход. В этом смысле они обладают сильным трансформативным потенциалом, который в ряде случаев реализуется в протестах и восстаниях, таких как студенческие волнения в Чехословакии 1989 г., приведшие к мирному демонтажу социалистического режима в этой стране. Анализируя Бархатную революцию, получившую широкое медийное освещение, Дайян и Кац указывают, что хотя телевидение само по себе не было ее причиной, оно фреймировало революционные акции как символические жесты, которые воплотились в реальном мире [8, p. 158]. Подобные социальные драмы не являются типичной формой церемониальных медиасобытий, обычно ассоциирующих элиту с сакральным центром общества и легитимирующих ее господство. Тем не менее любые медиасобытия порождают моменты лиминальности, в течение которых публика разыгрывает в воображении альтернативные сценарии настоящего и будущего, заглядывая в измерение утопии.

Пересматривая ритуальную перспективу

Теория медиасобытий, сформулированная Дайяном и Кацем четверть века тому назад, оказала серьезное влияние на последующее изучение медиа и коммуникаций. В то же время предложенная ими концептуализация медиасобытий множество раз оспаривалась и реинтерпретировалась другими исследователями; пересматривали ее и сами авторы “*Media Events*”. Критика изначального подхода в основном фокусируется на трех моментах.

1. Ограничения функционалистской парадигмы, в рамках которой акцентируется интегративная роль медиасобытий [15]. Для Дайяна и Каца характерно неодюргеймианское видение общества, предполагающее наличие центральной системы ценностей

и институтов — сакральной сердцевины социального, опосредуемой массмедиа. Иначе говоря, они вслед за Эдвардом Шилзом верят в интегрирующий «центр» [21], манифестирующий себя через медиасобытия. Их оппоненты полагают, что современные общества слишком сложны и фрагментированы, чтобы иметь подобный центр, к которому бы открывался доступ посредством ритуальных медиасобытий. Другое дело, что такие медиасобытия формируют «миф о медиатизированном центре» [15, р. 5], работают как «центрирующие перформансы» [15, р. 12], при этом устанавливая тематическую повестку дня, связанную с интересами истеблишмента. Необходимо критически исследовать, как медиа воображают «центр» общественной жизни и сами с ним отождествляются в представлении публики. Кроме того, отмечается, что дюркгеймианская социология национальной интеграции слабо применима в эпоху глобализации, которой присущ интенсивный рост транслокальных и транскультурных связей, размывающих границы национальных государств и аудиторий. В этих условиях медиасобытия также глобализуются и становятся способными центрировать не только отдельные страны или весь мир, но и детерриториальные сообщества.

2. Узость изначального определения жанра медиасобытий и трех его сценариев. Этот критический вектор указывает на необходимость расширенного понимания медиасобытий и существование других интерпретаций данного феномена [6; 15]. В частности, в качестве медиасобытий также рассматриваются *медиаскандалы* [17], *медиатизированные общественные кризисы* [1], *медиаспектакли* [13], *пост-культурные медиасобытия* [20]. Некоторые трактовки медиасобытий близки по смыслу к псевдособытиям Дэниела Бурстина [4] и симулякрам Жана Бодрийера [3]. Так, Джон Фиск в своем понимании медиасобытий настаивает на исчезновении четкого различия между «реальным» событием и его медийной репрезентацией [9, р. 2]. При этом подчеркивается, что медиасобытие есть *дискурсивное событие*, не дискурс о событии. Значение одних и тех же общественных событий может оспариваться разными медиа и публиками, поэтому их интегративный потенциал подлежит сомнению. Выход за пределы изначальной церемониальной перспективы позволил также выделить жанр *разрушительных* (конфликтных, травматичных, дезинтегрирующих) медиасобытий, включающих прежде всего террор, катастрофы и войны [12]. Кроме того, существует и другой тип событий, направленных на социальные и культурные изменения, который не просто вписать в оппозицию «интегративный-дезинтегративный» — это протесты и восстания.

3. Рассмотрение медиасобытий исключительно как телевизионных событий, не принимающее во внимание другие типы медиа и их взаимодействие. Даже если допустить, что в начале 1990-х годов фокус на телевидении как ключевом трансляторе таких театрализованных медиаритуалов был оправданным, за последующие четверть века медиаэкология, медиатехнологии и практики коммуникации радикально изменились. В эпоху глубокой медиатизации [7] контент становится мультимедийным и производится не только профессиональными журналистами, но и любителями. Участие аудитории в создании медиапродукции является одним из проявлений партисипативной культуры. Медиасобытия генерируются и распространяются посредством множества медиаплатформ, интегрированных в глобальную цифровую среду. В этом контексте становятся актуальными современные трактовки медиасобытий как «новых медиасобытий» [19], «трансмедийных событий» [2], «гибридных медиасобытий» [24], «пользовательских медиасобытий» [18], артикулирующие их гетерогенность и сложную констелляцию вовлеченных акторов. Развитие технологий искусственного интеллекта и процессы роботизации медиа, вероятно, в недалеком будущем также существенно изменят природу медиасобытий.

Что же касается интегративных медиасобытий, с которых началось исследование медиатизированных социальных драм, их перспективы в современном мире выглядят все более ограниченными. Академический мир регулярно дискутирует о том, а «живы» ли они еще вообще [23]. И дело здесь не только в том, что в новостной повестке давно и ощутимо доминирует «марафон катастроф» [12, р. 160]. Деструктивные медиасобытия, также как и церемониальные, могут усиливать социальную солидарность (но и социальный раскол) в моменты серьезных кризисов. Как полагают сами Дайан и Кац [11], скорый конец консенсуальных медиасобытий во многом связан с появлением новых медиа, но главным образом — с возрастающим цинизмом аудитории, для которой больше недоступно сакральное измерение праздника, требующее «приостановки недоверия» [8, р. 152]. И все же, хотя ритуальные медиасобытия отчасти потеряли свою былую магию и величие, общество периодически нуждается в подобных ритуалах: чемпионат мира по футболу или свадьба членов королевской семьи все еще волнуют множество людей.

Критика первоначального подхода к медиасобытиям позволила переосмыслить их онтологию, расширить типологию и обозначить новые направления исследований [10; 15; 16; 22]. В то же время столь широкое понимание медиасобытий приводит к проблемам их идентификации, поскольку границы между медиасобытиями и не-медиасобытиями становятся все менее различимыми.

Эти трудности в полной мере относятся и к категории *трансформативных медиасобытий*, которая представляет для нас особый интерес.

Третий жанр: трансформативные медиасобытия

На наш взгляд, развитие концепта трансформативных медиасобытий является одним из перспективных расширений первоначальной модели Дайяна и Каца. Если «великие» интегративные медиасобытия стали редки и менее привлекательны, а медиатизированные бедствия слишком часты и привычны, то значение трансформативных медиасобытий в современном мире только возрастает. Это связано с тем, что медиа все более активно используются как инструмент социальных преобразований, включая революционные. Хотя традиционные СМИ по-прежнему малодоступны для выражения позиции «человека с улицы», в распоряжении последнего имеются другие медиаплатформы, позволяющие донести свой голос до аудитории и даже мобилизовать ее на определенные действия.

В широком смысле любое социальное событие есть изменение исходного состояния реальности, количественное или качественное. Однако в некоторых случаях эти изменения, сдвиги, возмущения оказываются достаточно критичными, чтобы социальный порядок или его ключевые элементы претерпели радикальное обновление. Такие «поворотные» события не являются трансформативными сами по себе, они определяются как таковые их участниками и наблюдателями. Для Дайяна и Каца лишь некоторые медиасобытия обладают выраженной трансформативной функцией, при этом они рассматриваются ими как поджанр интегративных, церемониальных медиасобытий.

Дайян и Кац отличают трансформативные медиасобытия от трех других видов медиатизированных церемоний: «коммемораций» (национальные праздники и юбилеи); «ответов» (реакции общества на чрезвычайные ситуации типа убийства Джона Кеннеди) и «рестораций» (таковы королевские свадьбы, отсылающие к эпохе монархий). В отличие от этих церемоний, трансформативные медиасобытия — это события-вызовы, связанные с неразрешенными социальными конфликтами, существующими длительное время. Такие события, как, например, восстания и революции, имеют «антиструктурный», субверсивный характер. Начинаясь, как правило, спонтанно, они проходят через пять фаз: латентность, сигнализирование, моделирование,

фреймирование и оценивание [8, р. 147–187]. Работа медиа особенно важна на трех промежуточных стадиях, когда формируется альтернативный образ желаемого будущего. Трансформативные медиасобытия имеют «каузальную силу» [8, р. 155], которая сродни шаманской: символические жесты помогают определить и сформировать новую реальность. Заметим, что для Дайана и Каца трансформативное медиасобытие обязательно должно иметь успех. Но если протест подавлен или не достиг первоначальных целей, значит ли это, что данное медиасобытие нетрансформативно? Или его успех может измеряться уровнем медийного резонанса и вовлечения аудитории, а также менее заметными и более отдаленными социальными последствиями? Глубина социальных трансформаций и степень реализации ожиданий акторов остаются не вполне проясненными критериями трансформативного медиасобытия.

Еще один важный момент: если следовать Дайану и Кацу, трансформативные медиасобытия должны иметь «прогрессивный» вектор. В их перспективе это ненасильственные и одобряемые большинством социальные изменения, явно или неявно отождествляемые с торжеством демократических ценностей. Например, Уотергейт, закончившийся в 1974 г. отставкой президента Ричарда Никсона, публично разоблачил нарушение принципов американской демократии и привел к их восстановлению. Уже упомянутая студенческая Бархатная революция в Чехословакии 1989 г. осмыслялась не только как крушение социализма, но и как возвращение страны в лоно западного мира. Аналогичным образом Египетская революция 2011 г. многими воспринималась как освободительное движение против тирании. Однако восстания редко обходятся без жертв, в обществе вероятен глубокий раскол, а легитимность новой власти может не быть столь очевидной. Революция может смениться контрреволюцией или гражданской войной, подобно тому, как на смену Арабской весне пришла Арабская зима. И это тоже трансформации. Трансформативные медиасобытия многовекторны, поскольку строятся вокруг конфликтующих социальных интересов, повесток и дискурсов. Это применимо и к событиям, происходящим в развитых демократиях, — таким как решение Великобритании выйти из ЕС и попыткам Каталонии отделиться от Испании. Противники и сторонники «выхода» в обоих случаях имеют различные определения того, что считать прогрессом или регрессом для своего региона, страны или международного сообщества. Векторы социальных изменений имеют дискурсивную природу — история с «аннексией» или «присоединением» Крыма служит еще одной хорошей иллюстрацией этого тезиса.

Следует также понять, присуща ли трансформативным медиасобытиям только определенная тематика, в частности политическая, или их тематический спектр более широк. На наш взгляд, к ним могут быть отнесены события, происходящие и в других сегментах социальной и культурной жизни (поскольку доминирование и сопротивление есть повсюду). Недавний скандал вокруг известного голливудского продюсера Харви Вайнштейна, начавшийся с публикации «Нью-Йорк Таймс» от 5 октября 2017 г., изобличавшей его домогательства в отношении киноактрис, перерос в мощную международную кампанию против сексуального насилия. Участниками флешмоба под хештегом #MeToo, призывающего жертв харассмента поделиться своим опытом в Twitter и других социальных медиа, стали миллионы людей в разных странах, включая целый ряд знаменитостей. Так называемый «эффект Вайнштейна», проявившийся в череде громких публичных обвинений в подобных преступлениях, привел к стремительным увольнениям известных представителей культурной индустрии, журналистов и политиков. Волна сексуальных разоблачений сотрясла весь западный мир, затронув и истеблишмент. Хотя сексуальные скандалы и протесты против сексуального насилия регулярно становятся информационным поводом для западных медиа, дело Вайнштейна и последующий эффект можно

считать именно трансформативным медиасобытием. Этот категорический жест неприятия сексуального насилия в целом и сексуальной виктимизации как институционализированного механизма карьерного роста в частности имел реальные, ощутимые последствия, в том числе и политические.

Поиски маркеров трансформативных медиасобытий приводят нас также к вопросу о значимости их масштаба: относятся ли к таковым только события мирового и национального уровня или же и происходящие в локальных сообществах, организациях, жизнях отдельных людей? Можно ли, например, говорить о социальных трансформациях на микроуровне? Медиатизированные перформансы нередко имеют целью привлечь широкую транслокальную аудиторию для решения локальных или даже чьих-то частных проблем. Их инициаторами могут быть обычные пользователи, проявившие гражданскую активность. И если с помощью публичных акций, флешмобов, любительских видео, онлайн-петиций и острых обсуждений в социальных сетях кому-то удалось справиться, скажем, с полицейским или чиновничьим произволом в конкретном месте, вероятно, здесь также можно говорить о трансформативных медиасобытиях. Безусловно, при таком подходе к медиасобытиям «величие», «масштабность» и «историческая значимость» перестают быть их обязательными атрибутами. Однако статус всякого события является дискурсивной конструкцией, а не объективной данностью, и даже чья-то личная история, привлекая внимание большой аудитории, может стать важным символом или триггером более масштабных социальных изменений.

Резюмируя, можно сказать следующее: не каждое медиасобытие несет в себе трансформацию. В целом трансформативные медиасобытия можно рассматривать как медиатизированные манифестации контр-власти (в понимании Мануэля Кастельса [5]) с целью восстановления «испорченного» порядка либо его радикального переопределения и обновления, пусть даже на микроуровне. Такое событие — символический жест «прорыва» и «переформатирования» социального мира, приводящий к реальным последствиям как для истеблишмента, так и для рядовых граждан. Трансформативные медиасобытия не вписываются ни в категорию классических «интегративных» церемоний Дайяна и Каца, ни в категорию «дезинтегративных» событий, включающих теракты, военные конфликты и катастрофы. Впрочем, сама эта оппозиция тоже дискуссионна, если принять во внимание дискурсивный характер медиасобытий.

Наличие или отсутствие трансформативных медиасобытий в общественной повестке дня позволяет косвенно судить о степени демократизации общества. Трансформативные медиасобытия выражают несогласие людей с определенными социальными условиями и/или желание их изменить. Если публичные пространства СМИ и социальных медиа пусты в этом отношении, это может быть индикатором ограниченных возможностей к такому самовыражению. Социальные миры, в которых мы живем, далеки от совершенства, поэтому молчание вряд ли может сигнализировать о полном благополучии. С другой стороны, если крупное трансформативное медиасобытие долгое время находится в топе новостей и обсуждений, это свидетельствует о серьезном социальном кризисе. В отличие от этих двух крайних ситуаций, регулярное появление трансформативных медиасобытий локального уровня можно считать проявлением демократии в «фоновом режиме», когда граждане не боятся оспаривать отдельные элементы социального порядка, не претендуя на его тотальное преобразование.

Вместо заключения: будущее медиасобытий

Развитие концепта трансформативных медиасобытий, введенного самими же авторами “Media Events”, отчасти позволяет ослабить критику их оппонентов, связанную с ограничениями неоджоркгеймианского подхода. Это также расширяет

уже устоявшуюся типологию медиасобытий: трансформативные медиасобытия становятся промежуточным жанром между «интегративными» и «деинтегративными». Таким образом, модификация первоначальной ритуальной модели приводит к тому, что медиа и медиасобытия могут рассматриваться как фактор социокультурных изменений.

Возможность подобного подхода не является чем-то неожиданным. Дайян и Кац определенно интересовались трансформативными событиями (такими как мирный визит египетского президента Анвара Садата в Израиль, Бархатная революция в Чехословакии, падение Берлинской стены), но способность менять социальный порядок все же не была существенна для их дефиниции медиасобытий [11, р. 149–150]. В своей книге они прицельно исследовали жанр медиатизированных церемоний, исключив из поля зрения другие новостные феномены. Тем не менее именно в “Media Events” заложена основа для понимания трансформативных медиасобытий как социальных драм.

Другое дело, что исследования медиатизированных социальных кризисов и конфликтов уже традиционно связываются с критическим подходом, который считается более релевантным для изучения таких процессов. Как известно, упомянутые ученые имеют другую точку зрения и последовательно ее придерживаются. И четверть века назад, и в настоящие дни Дайян и Кац довольно ясно обосновывают, почему они выбрали не критическую, а консенсуальную оптику. Для них «герменевтика подозрения», свойственная критической теории, ничуть не убедительнее «герменевтики доверия», которой они привержены. Можно полагать, что консенсуальные события есть то, за что они себя выдают, точно также можно считать эту консенсуальность иллюзией, скрывающей их агонистический характер [11, р. 149]. Это взаимоисключающие фреймы, но оба полезны для понимания медиасобытий. И даже если настаивать на изучении медиасобытий в фокусе властных отношений, следует, подобно Стивену Лукесу [5], более тонко толковать само понятие власти: это не только «власть над» (power over), то есть доминирование одних групп над другими, но и «власть к» (power to) как способность объединять социальные группы и течения, несмотря на их различия. Хотя церемониальные медиасобытия действительно продвигают интересы истеблишмента, порождаяемая ими солидарность, по мнению Дайяна, не перестает от этого быть настоящей. Это важно, поскольку без некоторого минимального уровня солидарности общество не может существовать. Кроме того, даже будучи гегемонистскими, ритуальные медиасобытия требовали заинтересованности всех трех сторон — элиты, вещателей и аудитории; отсутствие поддержки двух последних создавало риски «срыва» медиасобытия или его игнорирования. Авторы “Media Events” полагают, что критическая теория недооценивает силу аудитории, и в то же время переоценивает возможности элиты влиять на медиа, а медиа — на публику [8, р. 226–227].

Наша собственная попытка прояснить концепт трансформативных медиасобытий оставляет пока больше вопросов, чем ответов. Важен ли результат такого события или сам факт его возникновения? Должен ли этот результат квалифицироваться как прогресс в доминирующем дискурсе? В каких сегментах и на каких уровнях социальной жизни могут происходить подобные события? Еще более фундаментальными являются вопросы о том, а что мы, собственно, сегодня понимаем под медиа и трансформациями и что есть медиасобытия в отличие от не-медиасобытий. Понятно, что когда слабо дефинированы базовые понятия, производные от них концепты несут на себе тот же отпечаток неопределенности и разночтений.

Наблюдаем ли мы конец медиасобытий, по крайней мере в их первоначальном смысле? Как уже упоминалось, многие исследователи и сами авторы “Media Events” склонны думать именно так. Вместо мощных медиатизированных ритуалов, погружающих людей в совместное переживание лиминального, множество социальных

актеров продуцируют бесконечные потоки новостей и «посюсторонние» интерактивы. Но неизбежность исчезновения социальной магии «великих» медиасобытий, на наш взгляд, не столь очевидна. Динамично развивающиеся новые медиатехнологии и практики коммуникации способны привести к ренессансу медиасобытий как центрирующих ритуалов. Например, зарождающиеся сегодня иммерсивные медиа, вероятно, в будущем позволят людям массово «погружаться» в масштабные события-перформансы благодаря инструментам виртуальной и дополненной реальности, вызывая то самое «коллективное сердцебиение», о котором говорили Дайян и Кац. И если дать волю воображению, можно даже допустить, что эти медиасобытия будут иметь альтернативные режимы и концовки, как в видеоиграх. Кроме того, ценность коллективно переживаемых медиасобытий может возрасти в условиях жесткой персонализации контента посредством алгоритмов (что наблюдается уже сейчас в работе Google, Facebook и других медиаплатформ). Если опасения насчет «пузыря фильтров» и «информационных камер» начнут сбываться, появится потребность в общезначимых (доступных всем аудиториям) медиасобытиях, способных поддерживать «общий» социальный мир.

С другой стороны, если наша социальная жизнь будет практически полностью медиатизирована, границы между событиями и не-медиасобытиями исчезнут. Однако сегодня понятие медиасобытий, включая их трансформативную форму, еще не девальвировало окончательно, хотя и претерпело серьезные модификации. И следовательно, до «конца» теории медиасобытий еще довольно далеко.

Дата поступления: 18.03.2019.

SOTSIOLICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2019.
VOL. 25. No. 4. P. 28–37. DOI: 10.19181/socjour.2019.25.4.6815

E. G. NIM

National Research University Higher School of Economics,
Moscow, Russian Federation.

Evgenia G. Nim — Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Faculty of Communications, Media and Design / School of Media, National Research University Higher School of Economics.

Address: 20, Myasnitskaya str., 101000, Moscow, Russian Federation.

Phone: +7 (964) 535-92-65. **Email:** nimeg@mail.ru

“MEDIA EVENTS”: A NEVER-ENDING THEORY?

Abstract. This article outlines the key propositions and further prospects of the media event theory established by Daniel Dayan and Elihu Katz in their 1992 book *Media Events: The Live Broadcasting of History*. The ritual approach they suggested, according to which media events are understood as large-scale televised performances meant to integrate society, has received a variety of alternative interpretations. The critique of media events' ceremonial model mainly follows three directions: (1) the restrictions of the neo-Durkheimian paradigm, which emphasizes the consensual nature of media events; (2) the narrowness of the initial definition of media events' genre and its three scenarios (“conquests”, “contests”, “coronations”); (3) consideration of media events as televised phenomena only, without taking into account other types of media and their interaction. This article shows that one of the possible extensions of Dayan and Katz's theory can be to develop the concept of transformative media events, which are understood as mediatised social dramas framing the renewal of the social order or its basic institutions. Special attention is paid to methodological difficulties involved in identifying the criteria of transformative media events. For instance, the matter of whether events which have not led to significant social changes (such as failed protest actions)

can be considered transformative; whether the event's "vector" (progressive or regressive) should be taken into account; which levels and segments of social life allow for the emergence of phenomena which can qualify as transformative media events — all of these questions remain open. The article emphasizes that these conceptual difficulties are connected to the more fundamental problem of distinguishing between media events and non-media-events in the digital era. The conclusion contains some thoughts as to why the discussion about "the end of media events" is still far from over.

Keywords: media; media events; rituals; transformations; mediatization of society.

For citation: Nim E.G. "Media Events": A Never-Ending Theory? *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2019. Vol. 25. No. 4. P. 28–37. DOI: 10.19181/socjour.2019.25.4.6815

REFERENCES

- Alexander J.C., Jacobs R.N. Mass Communication, Ritual and Civil Society. *Media, Ritual and Identity*. Ed. by T. Liebes, J. Curran. L.: Routledge, 1998. P. 23–41.
- Bacallao-Pino L.M. Transmedia Events: Media Coverage of Global Transactional Repertoires of Collective Action. *Media Events: A Critical Contemporary Approach*. Ed. by B. Mitu, S. Poulakidakos. L.: Palgrave Macmillan UK, 2016. P. 189–206. DOI: 10.1057/9781137574282_11
- Baudrillard J. *Simulations*. New York: Semiotext(e), Inc., 1983. 164 p.
- Boorstin D.J. *The Image: A Guide to Pseudo-events in America*. N.Y.: Vintage Books, 1992 [1961]. 336 p.
- Castells M.A. Network Theory of Power. *International Journal of Communication*. 2011. Vol. 5. P. 773–787.
- Cottle S. Mediatized Rituals: Beyond Manufacturing Consent. *Media, Culture & Society*. 2006. Vol. 28. No. 3. P. 411–432. DOI: 10.1177/0163443706062910
- Couldry N., Hepp A. *The Mediated Construction of Reality*. Cambridge: Polity Press, 2017. 256 p.
- Dayan D., Katz E. *Media Events: The Live Broadcasting of History*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1992. 306 p.
- Fiske J. *Media Matters: Everyday Culture and Political Change*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1994. 305 p.
- Global Perspectives on Media Events in Contemporary Society*. Ed. by A. Fox. Hershey: IGI Global, 2016. 306 p.
- Katz E., Dayan D. L'esprit de l'escalier: 25 years of hindsight. *Media, Culture & Society*. 2018. Vol. 40. No. 1. P. 143–152. DOI: 10.1177/0163443717726015
- Katz E., Liebes T. No More Peace! How Disaster, Terror and War Have Upstaged Media Events. *International Journal of Communication*. 2007. Vol. 1. P. 157–66.
- Kellner D. Media Spectacle and Media Events. *Media Events in a Global Age*. Ed. by N. Couldry, A. Hepp, F. Krotz. Abingdon: Routledge, 2010. P. 76–91. DOI: 10.1177/17427665110070020702
- Lukes S. Political ritual and social integration. *Sociology*. 1975. Vol. 9. No. 2. P. 289–308.
- Media Events in a Global Age*. Ed. by N. Couldry, A. Hepp, F. Krotz. Abingdon: Routledge, 2010. 312 p.
- Media Events: A Critical Contemporary Approach*. Ed. by B. Mitu, S. Poulakidakos. L.: Palgrave Macmillan UK, 2016. 275 p.
- Media Scandals: Morality and Desire in the Popular Culture Marketplace*. Ed. by J. Lull, S. Hinerman. Oxford: Polity Press, 1997. 259 p. DOI: 10.1177/136754949800100308
- Mitu B. Web 2.0 Media Events: Barack Obama's Inauguration. *Media Events: A Critical Contemporary Approach*. Ed. by B. Mitu, S. Poulakidakos. L.: Palgrave Macmillan UK, 2016. P. 230–242. DOI: 10.1057/9781137574282_13
- Neverson N., Adeyanju C.T. Worth a Thousand Words: Tasers, new media events, and narrative struggle. *Journalism Studies*. 2018. Vol. 19. No. 11. P. 1633–1651. DOI: 10.1080/1461670x.2017.1289113
- Populäre Events: Medienevents, Spielevvents und Spaßevents*. Ed. by A. Hepp, W. Vogelgesang. Opladen: Leske + Budrich, 2003. 318 p. DOI: 10.1007/s11577-004-0095-z
- Shils E. *Center and periphery: Essays in macrosociology*. Chicago: University of Chicago Press, 1975. 516 p. DOI: 10.1017/s0008423900043961
- Sonnevend J. *Stories Without Borders: The Berlin Wall and the Making of a Global Iconic Event*. Oxford: Oxford University Press, 2016. 217 p. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780190604301.001.0001
- Special Section: Media Events*. *Media, Culture & Society*. 2018. Vol. 40. No. 1. P. 110–157.
- Sumiala J., et al. #JeSuisCharlie: Towards a Multi-Method Study of Hybrid Media Events. *Media and Communication*. 2016. Vol. 4. No. 4. P. 97–108. DOI: 10.17645/mac.v4i4.593
- Turner V. *The ritual process: structure and antistructure*. New Brunswick and L.: Aldine Transaction, 2008 [1969]. 213 p.
- Van Gennep A. *The rites of passage*. Abingdon and N.Y.: Routledge, 1909/2010. 198 p.
- Weber M. *Politics as Vocation. Weber's Rationalism and Modern Society*. Ed. by T. Waters, D. Waters. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2015 [1919]. P. 129–198. DOI: 10.1057/9781137365866_7